

Вырезка из газеты

ЗАРЯ ВОСТОКА

14 АВГ 1980

Г. Тбилиси

НЕДАВНО я прочел стихотворение Шота Нишанидзе «Абхазская кантата». И вспомнил свои детство, юность, дни здоровья и дни болезни. Стихотворение сперва переполнило меня радостью, затем появилась грусть, а под конец — зависть. Да, с доброй завистью пишутся эти строки.

— Милый ты мой, как можно таким образом отнимать у человека готовое слететь с губ слово?!

Мой побратим в Абхазии
рос в семье Тарба,
Ловил рыбу... И с луком в руках
охотился в лесу...

Растили Хвичу абхазы
смелчаком и рыцарем,
На плечо посадили сокола, пели
«Ураида, райда»

(подстрочный перевод)

Это же про меня написано, это же я?!

Вспомнились Нестор Лакоба, его красивая жена Сариа и их гибкий, как тростник, сын — Рауф. Он был несколько старше и на улице учил меня играть в футбол. Помню и то, как обеспокоенная Сариа смазывала мне иодом ободранные об асфальт колени и как, ласково трепля по щеке, Нестор успокаивал — замолчи, где это видано, чтобы мужчина плакал. «Виноватые» глаза Рауфа тоже помню.

Слышу громкий смех моего абхазского дяди Зосима и упрекающий голос тетки Маро:

— До каких пор ты все будешь твердить — «Сара бара, бзиа бзбоит», пора и чему-нибудь другому научиться.

Сама она из уважения к мужу так изучила абхазский язык, что по-абхазски написала и издала книгой детский рассказ.

Не возьму грех на душу, и дядя мой прекрасно владел грузинским, и нет ни одного абхаза, кто не знал бы мергельский.

О Абхазия, вскормившая многих
славных юношей,
Без Грузии ты амазонка
с отсеченной грудью.

Главу склоню я на твои
сладкие колени и замолчу,
Лишь молитва, благодарность,
исповедь шевелят мои уста...»

(подстрочный перевод)

Полумертвого доставили меня во вторую сухумскую больницу. Открываю глаза: абхаз, русский, армянин, грек, еврей, грузин — все одновременно стоят у моей постели. Впав в полусон, вижу представителей семей Гулия, Шинкуба, Папаскири, Тарба... Слышу голоса представителей семей Ласуриа, Ахуба, Ломиа, Калба, Анчабдзе, Гогуа...

Визу примчавшихся из Тбилиси врачей, вижу родственников, плоть и кровь свою вижу, знаю, я ихний, и они должны меня оплакивать, но те, первые, зачем пришли, что стоят и согреваются, как огромный камин?

Когда я немного пришел в себя, фельдшерицы поочередно рассказывали:

— Узнала, что Нодар Думбадзе, и мгновенно потеряла вену, никак не смогла найти и сделать укол!

— Узнала, что Нодар Думбадзе, сразу же нашла вену и сделала в нее укол, иначе кто бы ее нашел — у вас сильно упало давление!

Были молочными братьями
предки-однофамильцы,
И у каждого на плече сидели
чертенок и ангел.

Если ястреб нападал в Абхазии
на цыплят,
Мы из Самегрело отгоняли
его прочь.

(подстрочный перевод)

Несколько лет назад в Гудаута у бензоколонки пристал один человек — должен, говорит, ты пустить меня без очереди.

— Почему? — спрашиваю.

— Потому что я здешний и так же лаю.

НОДАР ДУМБАДЗЕ

СЕРДЦЕ

Визу, человек выпивши, хочет подражаться, и к тому же вижу на плече у него сидит только лишь чертенок. Разумеется, не стал я драться. Пустил без очереди...

В Гульриппи со своим побратимом Ваном Тарба играю в нарды. На костяшке у него «панджи», а он выводит камень из ворот «шаши». Явный обман, и с ним я должен поскандальить, ибо у него вроде меня вижу на плече и чертенок и ангел сидят вместе. Скандально, а затем оба хохочем до слез.

В Москве сижу в ресторане с одним тамошним знакомым. Официант приносит шампанское и шоколад.

— Это вам прислали! — говорит.

— Кто? — спрашиваю.

— Кто такой, он не говорил. Вот тот молодой человек! — показал мне официант.

У дверей ресторана увидел я здорового парня, высокого, красивого. Смотрю, и у него на плече чертенок и ангел. Улыбнулся я.

— Кто это? — спросил мой сотрапезник.

— Сын Баграта Шинкуба!

— А почему он сам не подошел? — удивился мой сотрапезник.

Не стал я ему объяснять, зачем выросший в абхазской семье мужчина не подойдет к столу человека, который ему в отца годится, зачем не заложит ногу на ногу, не поднимет грохот стаканов, зачем он издавна поведал о любви и так тихо ушел.

— Наверно, спешил! — сказал я.

— Понятно! — сказал довольный ответом сотрапезник.

Еще вспоминаю двух учениц из Очамчира, абхазку и грузинку. Они посетили меня больного в санатории и от имени одноклассников принесли

в подарок апельсины и лимоны из собственных садов. Сидя у меня, они имели очень brave вид, хотя глаза были наполнены слезами. Когда ушли, я с балкона посмотрел вслед — у этих на плечах сидели только ангелы. Понурия голову, шли девушки, потрясенные встречей со мной. Наверное, окончательно исчезла у них всякая надежда — не жилец он, думали, вероятно, на этом свете.

— Выжил я, дорогие мои девушки, и если кто мне поверит, в этом большая заслуга принесенных вами лимонов и апельсинов, чем всех тех американских и немецких лекарств, которые я принимал. Я благодарю вас, милые мои!

Совсем недавно попросил я у одного своего друга — историка вспомнить из истории братства абхазов и грузин какой-нибудь красивый эпизод. Надолго он задумался, затем в знак отрицания покачал головой.

— В чем дело? — спросил я удивленный.

— Не могу вспомнить ни одного эпизода небратства и как же выполнить твою просьбу?! — так он ответил.

Или это вымысел мудрого человека, или так и было на самом деле. Во всяком случае, по моему глубокому убеждению, нашим детям и внукам так надо внушать... Так они должны думать.

Я всегда помню, с какой осторожностью следует прикасаться к струнам абхазского сердца после Акакия Церетели, Константина Гамсахурдиа, Лео Киачели и других грузинских писателей. Это должны помнить и мои братья абхазы, когда прикасаются к струнам грузинского сердца.

Я рад, что Шота Нишанидзе столь красиво прикоснулся к общим струнам наших сердец. Написав эту статью, я себя чувствую вольнее и раскованнее оттого, что в Союзе писателей Грузии являюсь председателем Совета по абхазской литературе, избран депутатом в Верховный Совет от Абхазии, в Абхазии умер я и родился вторично, когда был удостоен Ленинской премии, среди полученных тысяч телеграмм более половины были из Абхазии. Как же мне не сказать благодарственного слова! И я его всегда говорю. И кроме всего прочего, на берегу Черного моря, в Абхазии, стоит у меня ода.

А на оде виден колхский герб,
герб кукурузы стройной,

И подкова абхазской лошади,
прибитая в качестве талисмана.

(подстрочный перевод)

...Когда я закончил чтение стихов Шота Нишанидзе, сердце мое до краев наполнилось теплом. Взял с полки я старинный словарь и впервые в жизни нашел толкование слова сердце.

Сердце — главнейшая часть внутреннего строения животных, благодаря которому движется кровь по всем жилам.

Как нужно, оказывается, ласкать и беречь сердце.

Перевод с грузинского
Г. Чарквиани.